

— Всё в порядке, — честно ответил Чу Шань, чуть не усевшись Лу Цзинъи на голову.

Хэ Линьюань подумал, что Чу Шань пытается его утешить, и его голос внезапно стал тяжёлым, в нём звучала боль:

— Прости, раньше я ранил тебя слишком сильно.

Чу Шань наконец почувствовал, что что-то не так. Почему этот ублюдок говорит таким тоном?

Он резко тряхнул головой:

— Нет, правда всё хорошо, у меня есть...

— Чу Шань!!!

Раздался оглушительный вопль. Цянь Ии вылетела из подъезда, стоявшего позади них, и, указывая на Чу Шаня, заорала:

— Ты, дрянь! Ты ещё пытаешься соблазнить брата Линьюаня!

Чу Шань не стал возиться с Цянь Ии. Объяснять ей что-то — всё равно что играть на скрипке перед коровой.

Хэ Линьюань удержал Цянь Ии и, повернувшись к Чу Шаню, бросил:

— Уходи скорее!

Как и в прошлый раз, в каждом противостоянии Чу Шаня и Цянь Ии Хэ Линьюань заставлял уступать именно Чу Шаня.

Чу Шань невольно отступил назад и наткнулся на тёплые объятия. Лу Цзинъи обнял его сзади, взял вещи и с улыбкой спросил:

— Не домой идёшь, так зачем здесь стоишь?

Их поза была слишком интимной, настолько, что даже Цянь Ии на миг забыла, как ругаться.

Сердце Хэ Линьюаня камнем пошло вниз, подхватив страх потери тяжести и не находя дна.

Чу Шань не любил сближаться с людьми, эту привычку не исправить, но сейчас он уютно устроился в объятиях Лу Цзинъи и не двигался. Голос его звучал естественно и ласково:

— Ну, это... — Чу Шань не знал, как объяснить, но думал, что Лу Цзинъи поймёт, поэтому промямлил:

— Ну, ты знаешь, тот самый.

Лу Цзинъи поднял взгляд. Его черты были изящны, в взгляде читалось упорство:

— Мистер Хэ? Давно слышал ваше имя.

Вокруг повисла тишина, слышно было лишь завывание ветра. Спустя какое-то время Хэ Линьюань заговорил:

— Кто вы?

— Лу Цзинъи.

Мужчина обхватил Чу Шаня, прямо на глазах у соперника постепенно прижимая его к себе. Это выглядело так, будто он властно забирал у Хэ Линьюаня того Чу Шаня, который был ранен на протяжении более десяти лет, дрожал и был сломлен вдребезги.

— Я парень Сяо Шаня.

У Хэ Линьюаня перехватило горло. Он резко посмотрел на Чу Шаня, но тот даже не отвёл взгляда, глаза его были полны честности. Хэ Линьюань даже поймал в них проблеск радости.

Оказывается, это правда...

Далее заговорила Цянь Ии. Она холодно усмехнулась:

— Мистер Лу, у вас, наверное, глаза на бок поставлены.

Лу Цзинъи смотрел на неё очень мягко. Если бы взгляд мог материализоваться, Цянь Ии сейчас уже лишилась бы кожи, срезанной скальпелем аккуратным слоем.

— Правда? Насчёт этого я думаю, что у мистера Хэ больше всего права голоса.

Будь на месте Фу Сяонаня, он бы наверняка ляпнул: «С твоей-то мордой, если мужчина на тебя посмотрел — это уже у твоего предка дым из могилы повалил, а ты ещё смеешь других судить?»

Чу Шань по инерции встал перед Лу Цзинъи, думая: как же этот человек смел? Те, кто так отзывался о Хэ Линьюане, обычно кончали плохо.

А этот жест Чу Шаня был ничем иным, как кинжалом, жестоко вонзившимся прямо в сердце Хэ Линьюаня. Выражение его лица, сначала оцепенелое, наконец сменилось полным недоверием.

— Чу Шань, — голос Хэ Линьюаня зазвучал зловеще. — Ты знаешь, сколько лет прошло с тех пор, как мы познакомились?

Чу Шань постепенно терял терпение:

— Ну и что ты хочешь сказать? Раз твоя любимая здесь, говори при ней, говори на полную катушку.

Цянь Ии повернулась к Хэ Линьюаню, в глазах читалась обида и допрос.

Но Хэ Линьюань уже было не до того. Стоило ему подумать, что Чу Шань будет принадлежать другому, как гнев и злоба в его душе выплеснулись наружу. Он оттолкнул Цянь Ии и медленно подошёл к Чу Шаню, взгляд его был ледяным:

— Что ты мне говорил тогда, забыл?

Чу Шань уже хотел огрызнуться, но Лу Цзинъи заслонил его собой. Будучи врачом, он не обладал всеокрушающей властью, но стоя перед Хэ Линьюанем, он ни в чём не уступал по импозантности:

— Мистер Хэ, человек должен всё-таки обладать некоторой совестью. Вы позволяете посторонним раз за разом ранить Чу Шаня. Я нашёл у него четыре очага кровотечения, не

хватает одной почки, боли в животе — это навсегда и неизлечимо, не говоря уже о множестве душевных травм за эти годы. Вы не можете сначала человека растоптать в грязь, а потом вспоминать о прежних обещаниях. Я спрошу лишь одно: сдержали ли вы свои обещания перед Чу Шанем?

В сердце Хэ Линьюаня было гнилое место, ему становилось больно, стоит только вспомнить о нём, поэтому он старался не думать, ежеминутно создавая видимость благополучия. Но сейчас Лу Цзинъи безжалостно сдёрнул верхний слой земли, обнажив кучу гниющего мяса. Быть жестоким к Чу Шаню... он знал, всегда знал, но подсознательно рассчитывая на любовь Чу Шаня, на то, что тот не сможет его отпустить, да и на свою нелепую гордость, он думал, что если не говорить об этом, то всё пройдёт.

Пройдёт ли?

Теперь, когда всё притворство было сорвано, Хэ Линьюань, весь израненный, стоял в холодном ветру. Он вдруг задумался: эта боль по сравнению с болью Чу Шаня — на сколько она способна коснуться его?

Цянь Ии рванула вперёд:

— Брат Линьюань...

— Мисс Цянь, — Лу Цзинъи посмотрел на неё. — Вы охраняйте своё, а я буду охранять своё. Мы не будем вторгаться в чужие владения, хорошо?

Не успела Цянь Ии открыть рот, как Хэ Линьюань внезапно взорвался:

— Твоё? С какого права ты говоришь, что это твоё?!

Он замахнулся, чтобы ударить, но Чу Шань его оттолкнул. Хэ Линьюань почувствовал, что толчок был невелик, но сам он словно разваливался на части.

Взгляд Чу Шаня был свиреп:

— Не трогай его!

В прошлом из-за чрезмерной любви к Хэ Линьюаню пострадала бабушка, едва не умерев, а он сам оказался в нынешнем положении. Чу Шань мало что ценил в жизни, но каждое из этих вещей было связано с его самой жизнью. Не говоря уже об остальном, только Лу Цзинъи он не позволит Хэ Линьюаню тронуть ни на йоту, даже если придётся отдать за это свою жизнь!

Лу Цзинъи опустил взгляд на Чу Шаня, в голове прояснилась мысль. Именно так, думал Лу Цзинъи, нужно встать на противоположную сторону от Хэ Линьюаня, с самой беспощадной позой и словами ранить его — только так будет справедливо.

Хэ Линьюань не научил Чу Шаня любить себя, так что он научит. Он будет его любить.

— О, как шумно.

Серебристый седан остановился, Гу Янь высунул голову из водительского окна, окинул взглядом всех присутствующих, проигнорировал Хэ Линьюаня и обратился к Лу Цзинъи:

— Доктор Лу, забирайте Чу Шаня, поедим.

Лишь этой одной фразой он уже выразил позицию Гу Яня, а позиция Гу Яня — это позиция корпорации Гу.

Хэ Линьюань немного пришёл в себя. Он смотрел на Гу Яня с неясным выражением. Отпустить этого юношу подрасти ещё пару лет — и он непременно сметёт всё на своём пути в деловом мире. Сейчас он ещё не полностью раскрылся, с ним ещё можно совладать, но за спиной у Гу Яня стоит Гу Хаошэн. Хэ Линьюань всегда был самоуверен, но в душе понимал: он точно не соперник Гу Хаошэну.

— Младший господин Гу, — Хэ Линьюань полностью скрыл своё замешательство и низким голосом произнёс.

Гу Янь прислонился к окну машины, с полуулыбкой:

— Президент Хэ, вам также следует понимать: пусть ваши руки и глаза пронзают небо, только человеческие сердца неподконтрольны. Чу Шань — это не вещь, которая взбрела вам в голову. Если вам он не дорог, то есть люди, которым он дорог.

Чу Шань слегка покраснел:

— Да ладно, как-то неловко.

Гу Янь:

— ... О чём ты, черт возьми, думаешь?

Лу Цзиньши не выдержал и тихо рассмеялся, обнял Чу Шаня за плечи и повел его к машине.

Сзади сидел Линь Су. Чу Шань кивнул ему с благодарностью. Он знал, что Гу Янь не любитель лезть не в свои дела, раз он сегодня приехал лично — значит, это всё по просьбе Линь Су.

Хэ Линьюань не стал преграждать путь. Не стал он в этот момент вступать в открытый конфликт с Гу Янем. Он смотрел на спину Лу Цзиньши, словно смотрел на мёртвый предмет.

Лу Цзиньши почувствовал это, но нисколько не смутился, он даже тайно обрадовался. Чем больше ненависти, тем лучше, он лишь того и желал, чтобы Хэ Линьюань поднял на него руку, а потом загнал Чу Шаня в тупик. Быть может, это было немного жестоко по отношению к Чу Шаню, но Лу Цзиньши знал: на этот раз Чу Шань не сбежит с ранами, он лишь поднесёт нож к горлу Хэ Линьюаня и жестоко перережет его. Некоторую боль, въевшуюся в кости, нужно переживать по очереди каждому.

Терпение Лу Цзиньши было таким, что даже Гу Янь мог только позавидовать.

Большинство из этих людей наверху действуют грубо, как гром среди ясного неба, но Лу Цзиньши — другой. Он тот, кто плетёт сети в темноте, способный без остатка использовать малейшую силу для многократной мести. Лишь немногие знали, что в университете Лу Цзиньши сдал на полный балл не терапию, а психологию. Его наставник однажды отозвался о нём так: если бы не сострадание врача, присущее целителю, никто бы не смог удержать Лу Цзиньши. Он был идеальным врождённым преступником.

Лу Цзиньши взял Чу Шаня за руку, они переглянулись и улыбнулись.

Гу Янь бросил взгляд в зеркало заднего вида:

— Я знаю одно место, где пекут отличного ягнёнка целиком. Хотите попробовать?

Чу Шань поддержал:

— Давайте, давайте, я люблю баранину.

— Кто тебе её даст? — Гу Янь хмыкнул. — У моего ребёнка сегодня отличные результаты анализов, так что разрешу ему немного отведать мяса.

<http://bllate.org/book/16799/1565080>